

Хлеб и война

Документально-поэтическая композиция для старшеклассников

Надежда НЕКРАСОВА, заведующая библиотекой Центра внешкольной работы Индустриального района г. Хабаровска

В глубине сцены медленно загорается неяркий свет; на экране демонстрируется слайд или фото рецепта; под стук метронома ведущий его зачитывает.

1-й ведущий.

Суп из ботвы брюквы с мукой:

Ботва брюквы — 190 г

Мука — 3 г

Лук — 5 г

Соль — 5 г

Специи — 5 г

Жиры — 0,03 г.

2-й ведущий.

Этот рецепт — из книги «Использование в пищу ботвы огородных растений и заготовка её впрок». Издана она была в 1942 году в Ленинграде ценой 1 руб. Когда книга была подписана в печать, блокадный Ленинград доедал хлеб («Мука — 3 г»), посеянный ещё до войны. Но весной 1942 года те пахари, которые сеяли предвоенный хлеб, ничего не сеяли, — они ушли на фронт. И клали головы пахари на эту землю, не плугами вспаханную, а снарядами...

1-й чтец.

1941

Мяли танки тёплые хлеба,
И горела, как свеча, изба.
Шли деревни. Не забыть вовек
Визга умирающих телег,
Как лежала девочка без ног,
Как не стало на земле дорог.
Но тогда на жадного врага
Ополчились нивы и луга,
Разъярился даже горчицвет,
Дерево и то стреляло вслед,
Ночью партизанили кусты
И взлетали, как щепы, мосты.
Шли с погоста деды и отцы,
Пули подавали мертвецы,
И косматые, как облака,
Врукопашную пошли века.
Шли солдаты бить и перебить,
Как ходили прежде молотить,
Смерть предстала им не в высоте,
А в крестьянской древней простоте,
Та, что пригорюнилась, как мать,
Та, которой нам не миновать.
Затвердело сердце у земли,
А солдаты шли, и шли, и шли,
Шли Урала тёмная руда,
Шли, гремя, железные стада,
Шёл Смоленщины дремучий бор,
Шёл худой зазубренный топор,
Шли пустые тусклые поля,
Шла большая русская земля.
Илья Эренбург

1-й ведущий.

Осенью 1941 года немецкое командование впервые осознало, что их «Блицкриг» — план молниеносной войны — провалился, что война приобретает затяжной характер. А чтобы выдержать длительную войну, надо было кормить солдат, поддерживать свою армию. Именно поэтому поощрялся грабёж советского населения на занятых фашистами землях.

(Можно продемонстрировать документальные кадры кино, слайды, фото.)

2-й ведущий.

В планы Гитлера входило получение продовольствия с чужих земель. На захваченных им землях, словно чертополох, разрасталась рать немецких жандармов, и они со всем рвением старались отобрать у крестьян скот, хлеб, птицу, овощи. Но этим не ограничивалось губительное действие фашистской силы. Захватчики на занятых территориях разорили несколько тысяч колхозов и совхозов, отобрали или угнали в Германию 7 млн лошадей, 17 млн голов крупного рогатого скота, 20 млн голов свиней, 27 млн овец и коз. Фашистская армия отправляла в Германию тысячи эшелонов с награбленным.

1-й ведущий.

Для фашистов ничего не стоили миллионы человеческих жизней — своих ли, чужих солдат. Но главари понимали, что людские да и материальные ресурсы Германии ограничены. А потому в Берлине вдруг заговорили о недопустимости «рисковать жизнью немецкого солдата» при взятии Москвы и Ленинграда. Похоронив стратегию «Блицкрига», они вдруг увидели спасение в стратегии голода. Последовали многократные истеричные лозунги Гитлера, что блокированный Ленинград «выжрет сам себя и, как спелый плод, упадёт нам в руки».

2-й ведущий.

Обречь на медленную мучительную смерть как можно больше людей, деморализовать, разобщить их, лишит воли к сопротивлению, пробудить животные инстинкты, взять Ленинград «голыми руками», а пленных превратить в рабов, готовых за миску баланды на всё... Вот что такое фашистская стратегия голода. И фашисты это орудие широко применяли.

1-й чтец.

* * *

... И листовки летели с неба
На пороги замёрзших квартир:
«Будет хлеб. Вы хотите хлеба?»
«Будет мир. Вам не снится мир?»

Дети, плача, хлеба просили.
Нет страшнее пытки такой.

Ленинградцы ворот не открыли
И не вышли к стене городской.

Без воды, без тепла, без света
День похож на чёрную ночь.

Может, в мире и силы нету,
Чтобы всё это превозмочь?

Умирали — и говорили:
— Наши дети увидят свет!

Но ворота они не открыли,
На колени не встали, нет!

Мудрено ли, что в ратной работе
Город наш по-солдатски хорош?..

Пётр построил его на болоте,

Но прочнее земли не найдёшь.
Елена Рывина

(Звучит Седьмая симфония Д. Шостаковича.)

1-й. ведущий.

8 сентября 1941 года над городом сомкнулось кольцо блокады длиной в 900 дней и ночей. В кольце блокады Ленинграда оказалось 2 млн 887 тыс. человек.

2-й. ведущий.

В связи с истекающими запасами муки продолжали снижаться нормы выдачи хлеба. С 20 ноября 1941 года пятый раз сокращается хлебный паёк: рабочие стали получать в сутки 250 г хлеба, а неработающие (служащие, иждивенцы, дети) — по 125 г хлеба в сутки. Крошечный, почти невесомый ломтик:

Сто двадцать пять блокадных грамм
С огнём и кровью пополам...
Ольга Берггольц

1-й. ведущий.

Острый голод давал о себе знать всё сильнее, умирали молодые и старые, мужчины и женщины, дети. У людей слабели руки и ноги, немело тело, оцепенение постепенно приближалось к сердцу, и наступал конец. Смерть наступала людей везде. На улице человек падал и больше не поднимался. В квартире — ложился спать и засыпал навеки. Нередко жизнь обрывалась у станка.

1-й чтец.

На салазках кокон пряменький
Спеленав, везёт
Мать, заплаканная, в валенках,
А метель метёт.

Старушонка лезет в очередь,
Охает, крестясь:
«У моей, вот тоже, дочери
Схоронён вчера».

Бог прибрал, и слава господе,
Легше им и нам.
Я сама-то скоро с ног спаду
С этих со ста грамм».

Труден путь, далёк до кладбища,
Как с могилкой быть?
Довезти сама смогла б ещё,
Сможет ли зарыть?

А не сможет — сложат в братскую,
Сложат, как дрова,
В трудовую, ленинградскую,
Закопав едва.

И спешат по снегу валенки —
Стало уж темнеть.
Схоронить трудней, мой маленький,
Легче умереть.

Наталья Крандиевская-Толстая (Из цикла «На улице»)

2-й ведущий.

Хоронить было трудно: транспорт не работал. Обледеневшие, покрытые снегом, стояли трамваи. Вдоль проспектов причудливыми нитями свисали провода, окутанные инеем. По

бесконечно длинным улицам, между сугробами, напрягая последние силы, люди тянули сани, на которых лежали покойники. Нередко, выбившись из сил, люди оставляли мёртвого на полпути. Позднее эти трупы подбирали машины и увозили их на окраину города, на огромный пустырь рядом со старой Пискаревской дорогой. Так образовалось известное всем ныне Пискаревское кладбище, где похоронено 470 тыс. ленинградцев.

(Показать фотоматериалы. Тихо звучит музыка Шостаковича.)

1-й ведущий.

Только за первую блокадную зиму голод унёс в Ленинграде 252 тыс. чел. Потеря близких отражалась острой болью в сердцах живых, однако большая смертность не породила отчаяния и паники в народе. Ленинградцы умирали, но как? Они оставались героями до последнего вздоха, их смерть призывала живых к неукротимой борьбе. От малого до старого — все испытывали голод, но все они трудились и жили с надеждой в торжество победы. Это чувство поднимало кузнеца, инженера, бухгалтера, учёного на героические дела. Это же чувство руководило артистами, когда они пели, играли, развлекая голодных и усталых людей, хотя у них самих подкашивались ноги. В антрактах у наиболее ослабевших исполнителей наступало обморочное состояние, но воля побеждала: они вставали и продолжали играть.

2-й чтец.

Девочка у рояля

Дочери моей, Марии Дранишниковой

Стрелки непочиненных часов,
Как трамваи, неподвижно стали.
Но спокойно, под набат гудков,
Девочка играет на рояле.

У неё косички за спиной.
На диване в ряд уселись куклы.
Бомба, слышишь? В корпус угловой...
Дрогнул пол... Копилка вдруг потухла...

Кто-то вскрикнул. Стёкла, как песок,
Заскрипели под ногой. Где спички?
Девочка учила свой урок,
В темноте играя по привычке.

Так ещё не пел нам Мендельсон,
Как сейчас в тревогу. И весь дом был
Музыкой неожиданной потрясён
В грозный час разрыва близкой бомбы.

И наутро, в очередь идя,
Постояла я под тем окошком.
Ты играешь, ты жива, дитя.
Потерпи ещё, ещё немножко.

Зимовать остался Мендельсон.
Как надежда, музыка бессмертна.
Стали стрелки. Город окружён.
До своих — большие километры.

Хлеб, как пряник, съеден по пути.
Раскладушка в ледяном подвале.
... Но, как прежде, ровно с девяти
Девочка играет на рояле.
Варвара Вольтман-Спасская

2-й ведущий.

Дети в осаждённом городе... Смотреть на голодающих детей (а их в городе оказалось немало — около 400 тысяч) и чувствовать свою полную беспомощность перед тем, что ничем помочь им не можешь, — нет ничего ужаснее для матерей. Дети ждали хлеба. А где его взять? Матери отдавали всё, что имели, только бы обменять свои вещи на хлебные карточки. Родители, лишая себя куска хлеба, поддерживали слабые детские силёнки, тем самым нанося вред своему здоровью. Чтобы не заморозить детей, женщины с превеликими трудностями доставали дрова, бережно расходуя каждое полено. А если дрова кончались, в ход шли мебель, паркет и даже книги. Из ближайших водоёмов таскали ведрами воду, таща их на салазках, стирали в ледяной воде бельё и чинили одежду при тусклом свете коптилки. Скучные размеры получаемых продуктов распределяли по дням, а в течение дня по часам.

1-й чтец.

* * *

Иду в темноте, вдоль воронок,
Прожекторы щупают небо.
Прохожие. Плачет ребёнок
И просит у матери хлеба.

А мать надорвалась от ноши
И вязнет в сугробах и ямах.
— Не плачь, потерпи, мой хороший,
И что-то бормочет о граммах.

Их лиц я во мраке не вижу,
Подслушала горе вслепую,
Но к сердцу продвинулась ближе
Осада, в которой живу я.

Наталья Крандиевская-Толстая (Из цикла «На улице»)

1-й ведущий.

Все способы были хороши, чтобы накормить людей. Из дрожжей которые засчитывались в счёт нормы крупы, полагавшейся по карточке, приготавливали супы. Тарелка дрожжевого супа для многих тысяч людей часто была единственным блюдом в течение дня. Из мездры шкурки молодых телят, найденных на кожевенном заводе, варили студень. Вкус и запах такого студня был крайне неприятен, но кто обращал на это внимание? Голод подавлял все чувства. На мельницах за многие годы на стенах, потолках выросла мучная пыль. Её собирали, обрабатывали и использовали как примесь к муке. Трясли и выбивали каждый мешок, в котором когда-то была мука. Вытряски и выбойки из мешков просеивали и тут же отправляли в хлебопечение.

2-й ведущий.

В ноябре 1941 года начинаются особые трудности в работе одного из хлебозаводов Ленинграда. Они заключались в том, что надо было сохранить и растянуть на довольно продолжительный период имеющиеся крохотные запасы ржаной муки. Поэтому встал вопрос в отношении заменителей муки. Из примесей придумали до 10–15 сортов таких заменителей, как жмыхи, соевая мука, ячменная мучка (отход). Одних жмыхов было до 6 сортов. Применяли также обойную пыль, рисовую пыль и др., и когда иссяк запас и этих примесей, задумались о применении в качестве заменителя муки... целлюлозы. Работниками лаборатории было проделано много опытных работ. Сначала был освоен хлеб с 10% содержанием целлюлозы, затем — 15% и — 20%. На это толкала жестокая необходимость: так можно было на долгий срок обеспечить Ленинград каким-никаким, но хлебом.

2-й ведущий.

Хлебных примесей и суррогатов было найдено, переработано и использовано в пищу 18 тыс. тонн, не считая солодовой и овсяной муки. То были главным образом ячменные и ржаные отруби, хлопковый жмых, мельничная пыль, проросшее зерно, поднятое со дна Ладожского озера с потопленных барж, рисовая лузга, кукурузные ростки. В общей сложности

примеси и суррогаты дали возможность кормить население и войска хлебом в течение 25 дней, а каждый выигранный день в условиях блокады города имел неоценимое значение.

2-й чтец.

Чёрный хлеб

Я помню хлеб. Он чёрен был и липок —
Ржаной муки был грубоват помол.
Но расплывались лица от улыбок,
Когда буханку ставили на стол.
Военный хлеб. Он к шам годился постным,
Раскрошенный, он был неплох с кваском.
Он вяз в зубах, приклеивался к дёснам.
Его мы отдирали языком.
Он кислым был, — ведь был он с отрубями!
Не поручусь, что был без лебеды.
И всё ж с ладони жадными губами
Я крошки подбирал после еды.

Я неизменно с острым интересом
Я с сердцем замирающим следил
За грозным, хладнокровным хлебоборезом,
Он резал хлеб! Он чёрный хлеб делил!

Я восторгался им, прямым и честным,
Он резал грубо, властно, без затей,
Горелой коркой, как в угле древесном,
Испачкавшись почти что до локтей.

На нём рубаха взмокла холстяная,
Он был велик в восторге трудовом.
Он резал хлеб, усталости не зная,
Лица не вытирая рукавом!
Евгений Винокуров

2-й ведущий.

Но вот в декабре 1941 — январе 1942 года начинает действовать «Дорога жизни». По льду Ладожского озера и в Ленинград поступает полноценная ржаная и пшеничная мука.

(Показать фото, слайды, картины о «Дороге жизни». Если имеется запись песни «Эх, Ладога!» на музыку Н. Минха, стихи А. Флита, то можно вести рассказ под неё.)

К марту 1942 года уже имелась возможность выпекать полноценный ржаной хлеб, даже с примесью пшеничной муки.

2-й ведущий.

Но наступала весна 1942 года. Весна — то время, когда издавна крестьянин с заботой о будущем выходил пахать землю и сеять хлеб. Прошедший 1941 год хлеба много не принёс: и без того скудные урожаи сгубила война. А страна должна была жить, есть, как и в прежние годы. И чтобы из рецепта «Суп из ботвы...» не вычеркнули «Мука — 3 г», чтобы в пайке блокадного хлеба, кроме соломы, жмыха, опилок, было хотя бы одно размолотое пшеничное зёрнышко, чтобы дети шли в школу, рабочие — к станку, а солдаты — в бой, нужно было растить хлеб. Нужно было кому-то сесть за разбитые, ненужные фронту тракторы и вести их по полю. Но — кому?

2-й чтец.

Урожаем угрожаем

Чтоб наша жизнь была крепка,
Зерном чувалы патило,
Покоя не давай рукам,
Работай втрое, впятеро.

Друзья идут на фронт. Они
Стоят за наше дело.
Подруга, друга замени,
Иди к машине смело!

Чтоб у бойцов у наших был
Обед сытнее сытного,
Скорей сдавай поставку, тыл,
Зерно для хлеба сытного.

Врагу богатство колет глаз,
Колхозный каждый сажень.
Враг губит всё, что есть у нас,
Секретно с неба ссажен.

Чтоб диверсант, в хлебах засев,
Бедою не набаловал,
Следите за полями все,
От старого до малого.

К нам лезут, всё сметая в дым,
Непрошенные гости.
Но мы им сразу говорим:
«Не вырвете ни горсти!»

Для тех, кто к нам затеял лезть
Бандитскими отрядами,
У нас другая пища есть:
Накормим их снарядами.
Василий Кубанев

2-й ведущий.

Во всех деревнях и сёлах мужчин не было — они воевали на фронте. Остались только старики, женщины да дети. Пожилым женщинам трактор был страшен. Детям — велик. Но собирались девчата 16–17 лет, которые покрепче, да ехали учиться на трактористок. Зимой шли учиться, а весной уже пахали. А ещё до пахоты готовили свои СТЗ (марка трактора Сталинградского тракторного завода). С металлическими колёсами на шипах, без кабин, без стартёров и пускачей, эти трактора требовали ухода и силы отнюдь не женской, — не машины, а развалины. Но других тракторов не было. Чуть на нём проедешь, как что-нибудь да отвалится, отклепается, отскочит. Но ведь шла война. Надо Родину кормить. Надо от врага защищаться. И девушки немало сил отдавали такой пахоте.

1-й ведущий

(на фоне мелодии песни Я. Френкеля «Русское поле»).

Поедут пахать — вдоволь наплачутся. Масло им в глаза, и в рот, и по лицу. Руки — по локоть в мозольных и ожоговых пузырях. Умывались керосином, руки оттирали землёй... И засыпали после в борозде, когда ночью пахали. Темно, ничего не видно. Одна трактористка с фонарём идёт, а другая за ней на этот фонарь едет...

1-й ведущий.

Косили напрямую. Хлеб был очень засорённый. Барабан часто так забивался всяким мусором, что не хватало сил очистить его. Да и комбайны были в основном на тракторной тяге. Когда комбайнами молотили, то женщины в прицепы впрягнутся и — катят их к комбайну. Тяжело, что там говорить, хлеб войны.

(Звучит начало песни «Хлеб всему голова» на музыку Н. Кудрина, стихи В. Балачана.)

1-й ведущий.

Мы никогда не сможем почувствовать ужасы тех военных лет. Как всё минувшее, чему мы не были ни свидетелями, ни участниками, та Великая война нашего народа вызывает у нас не воспоминания, а мысли... Щемяще-печальные и светлые...

(Показать ещё раз фото рецепта «Суп из ботвы» или фото крохотного кусочка хлеба, являющегося сейчас экспонатом Музея истории Ленинграда.)

1-й ведущий.

Мы не вспомним поросшие бурьяном и ржавчиной поля, пресный вкус кирпичной пыли на руинах наших городов и деревень, запах смерти — не символический, а реальный. Мы не можем это вспомнить и заново пережить, потому что это было не с нами. 27 млн наших людей — мужчин, женщин, детей — унесла война. Им уже не помочь. Они не требуют больше нашего сострадания и участия.

1-й ведущий. Но мы должны о них помнить!

2-й ведущий. И мы помним о них!

(На фоне слайда или фото с изображением хлебной нивы звучит концовка песни «Хлеб всему голова».)

Используемая литература

1. Павлов Д.В. Стойкость. М., 1981.
2. Лирика 40-х годов/ Вступит. слово, сост. и ред. В.Я. Вакуленко. Ф.: Кыргызстан, 1977.
3. За тебя, Ленинград! Поэты в боях за город Ленина/ Сост. В.А. Шошлин. Лениздат, 1985.
4. Дорога Победы: Стихи советских поэтов о Великой Отечественной войне/ Сост. Н. Старшинов, С. Музыченко. М.: Сов. Россия, 1980.